

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Анчы-Кара (Волшебные цветы с поднебесья). Тувинская народная сказка

Это было давным-давно, когда от жары реки пересыхали и клювы птиц плавились.

В устье Кара-Хема жил сирота по прозвищу Анчы-Кара. Родители его умерли, оставив ему трех коз, лук и колчан со стрелами. Сколько ни ходил Анчы-Кара на охоту, каждый раз возвращался без добычи. Пришлось ему заколоть трех коз. Когда кончилось козье мясо, пошел парень опять на охоту, но ни одного зверя не повстречал. Сел на пригорок под седым кедром и прислушался. Цоказалось ему, что речка Кара-Хем тихую песнь поет. Стал он ей подпевать, сначала тихо, потом все громче и громче. Вдруг вблизи ветка хрустнула. Огляделся – а вокруг него зверей собралось так много, как звезд на небе. Стоят недвижимо, песню слушают. Замолк Анчы-Кара, схватился было за лук, а зверей как и не бывало. Закручинился парень. Вдруг из поднебесья на верхушку кедра спустился старый ворон и заговорил человеческим голосом:

– Я слушал твою песню, и мне стало жаль тебя. Взберись на крутую Кара-Хая '. Там в моем гнезде лежат три бусины – белая, красная и синяя. Проглоти их и ты будешь понимать язык зверей и птиц.– Сказал так ворон и улетел.

«Если я буду понимать язык всех зверей и птиц, тогда моя охота будет удачной»,– подумал Анчы-Кара и отправился к черной скале. Долго он карабкался вверх. Несколько раз срывался, висел над пропастью, но наконец все-таки поднялся на острую вершину и здесь, в расщелине, разыскал гнездо ворона. Опустил в него руку и на самом дне нащупал три шарика. Поднес к глазам – видит: одна бусина белая, другая – красная, третья – синяя. Проглотил он их и стал спускаться с Кара-Хая в тайгу.

Идет по лесу дремучему, прислушивается, ко всему приглядывается. Заметил на ветке густой лиственницы двух белохвостых сорок, подобрался к ним тайком и диву дался: все, о чем стрекотали сороки, было ему теперь понятно.

Молодая сорока рассказывала старшей своей сестре историю про ламу:

– У Кара-Суга в скале есть пещера. В ней толстый лама три месяца читал судур. Потом надоело ему уединяться и голодать, бросил судур в речку и отправился по аалам. А я за ним, где ложком, где леском. Лечу, высматриваю. Интересно, думаю, что дальше будет делать ученый лама.

– Уверена, что он поглупел от судура,– сказала старая сорока, прочищая клювом крылышки.

– Ты права. Зашел лама в юрту, а там нет нико го. Только в котле кургулдай варится. Выхватил лама кургулдай из чана и скрутил колечками внутри шапки. Потом нахлобучил шапку на лоб и быстрым шагом пошел прочь от аала. Горячая кургулдай жжет голову, а лама терпит, торопится уйти подальше, чтобы кто-нибудь, чего доброго, не поймал его. А когда наконец сбросил шапку, голова оказалась лысой. Все волосы выпали.

– Есть люди глупые, есть умные. Лама – глупец,– глубокомысленно заметила старая сорока.

– Ты права,– согласилась молодая сорока.– По-лечу-ка я теперь в желтую тайгу. Там пять зверей спор завели. Любопытно!– И улетела.

Недолго думая, Анчы-Кара направился в желтую тайгу. Хотелось ему узнать, будет ли он понимать и язык зверей.

Вошел Анчы-Кара в желтую тайгу и на одной из полянок увидел зайца, манула, архара, кабана и лису. Спорят, до хрипоты кричат. И странное дело – Анчы-Кара все понимает. Больше всех заяц разоряется:

– Если мне на мои раскосые глаза посмеет человек показаться, я его первым согну, как твои рога, архар.

– Нет, я его первой когтями задеру и хвостом за бью,– перечит зайцу лиса.– А тебя съем.

– Я ему раньше всех глаза выцарапаю,– не уступает манул.

– А я его на рога поддену, вы и шевельнуться не успеете,– твердит свое архар.

– Э, все это пустые разговоры,– вступает в спор кабан.– Только я своими клыками могу дух из человека выпустить.

Рассмеялся Анчы-Кара и выступил из-за деревьев на поляну. Заяц сразу же прыг в кусты – и был таков. Ощерил кабан клыки и кинулся на Анчы-Кара. Тот не растерялся, ухватил за уши, прижал к земле и говорит:

– Чем с человеком воевать, лучше бы бродил по лесам и добывал из-под земли пятакком себе пищу.

С этими словами Анчы-Кара отбросил кабана в молодой ельник. Тогда, пригнув голову и выставив вперед рога, на охотника бросился архар. Схватил его Анчы-Кара за рога, скрутил ему шею, забросил на гору и крикнул вслед:

– Чем с человеком силой мериться, лучше бы тебе пастись на горах, пить родниковую воду и стеречь диких овечек!

Тогда манул прижался к земле, распустил когти и прыгнул на Анчы-Кара, но тот увернулся, ухватил его за хвост, забросил на дерево и сказал посмеиваясь:

– Чем на человека прыгать, ты бы лучше сидел на дереве и высматривал мышек. Ну, а ты что скажешь?– обратился охотник к лисе.

– Я не люблю, когда к моему пушистому хвосту прикасаются чужие руки,-- важно ответила лиса и, помахивая хвостом, ушла прочь.

Довольный собой, Анчы-Кара отправился прямо на север. Когда кончилась желтая тайга, увидел он перед собой аал, посреди которого стояла такая большая юрта, что ее и на девяти конях не обскачешь. Анчы-Кара зашел в черную юрту, что стояла на отшибе. Ее обитатели – старики рассказали ему, что у хана Дарынза стряслась беда. Дочь хана Нагыр-Чечек, излучающая свет луны и солнца, стала слепнуть. Пригласил хан лам и шаманов со всех дальних и близких земель, но они помочь беде не могут, Хан обещал выдать свою дочь за того человека, который излечит ее от недуга.

Поспешил тогда Анчы-Кара в ханскую юрту, поклонился хану и ханше, сел в сторонке. Огляделся и увидел Нагыр-Чечек, лежавшую на красном девяти-слойном олбуке. И такая она была красивая и печальная, что Анчы-Кара решил во что бы то ни стало помочь ей. Поднялся он и обратился к хану:

– Я – Анчы-Кара из Кара-Хема. Скажите, Да-рынза-хан, что за беда стряслась с вашей прекрасной дочерью?

Посмотрел хан презрительно на парня в оборванной одежде, хотел было приказать слугам прогнать его палками, но тут вдруг заговорила Нагыр-Чечек:

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– Я не вижу, но мне по душе голос пришельца. Расскажи, отец, ему про мою болезнь.

Не успел хан и рта раскрыть, как выступил вперед толстый лама с лысой головой:

– Гони, хан, этого голодранца. Я, всевидящий и всемогущий лама, вылечу твою дочь, или никто ее не вылечит.

Посмотрел Анчы–Кара на лысую голову ламы и вспомнил подслушанный им рассказ сороки. Догадался, что перед ним тот самый лама, который украл кургулдай.

– Какой же ты всевидящий и всемогущий? Надо совсем потерять совесть, чтобы забраться в чужую юрту и выкрасть недоваренный кургулдай. Надо совсем потерять разум, чтобы надеть его вместе с шапкой на голову. Вот почему у тебя голова лысая.

Для ламы слова Анчы–Кара были как удар грома среди ясного неба. Стоял он посреди юрты с открытым ртом, как истукан.

Все рассмеялись, а хан почтительно обратился к Анчы–Кара:

– Ты, знать, не простой человек. Невидимые черви гложут глаза моей дочери. Если ты вылечишь, я отдам тебе Нагыр–Чечек в жены.

– Попытаюсь, хан. Пойду пораздумаю,– ответил Анчы–Кара и вышел из юрты.

Взобрался он на гору Болчайтылыг, лег среди кустов на землю и стал гадать–раздумывать о том, как бы ему помочь бедной Нагыр–Чечек. Вдруг откуда ни возьмись прилетели два лебедя и завели меж собой такой разговор.

– Много я летал по белу свету, но нигде не видел такой красавицы, как Нагыр–Чечек,– говорит один лебедь.– Жаль, что ничто не может спасти ее глаза.

– Нет, есть одно средство,– возражает ему другой лебедь.– Нужно, чтобы в ее глаза попал сок синего цветка с маленькими, как звездочки, листьями. Растут они только в поднебесье, на горном хребте Сjumбер–Ула.

– Давай полетим, сорвем по цветку.

– Хотя и трудно, но ради царевны я готов полететь в поднебесье. Но что мы будем делать с цветками? Ведь не залетишь же ты в юрту?

– А мы сбросим цветки в дымовое отверстие. Как знать, может быть, кто–то из людей и догадается полечить ими глаза Нагыр–Чечек. К вечеру вернемся. Полетели!

Захлопали лебеди крыльями и поднялись высоко в небо.

Обрадовался Анчы–Кара. Вскочил на ноги, машет рукой вслед лебедям, улыбается: «Летите, добрые птицы! Я буду ждать–дождаться волшебных цветов с поднебесья».

Повеселевшим вернулся Анчы–Кара в ханскую юрту.

– С добрыми или плохими вестями пришел Анчы–Кара?– спрашивает его хан.

– С добрыми. Вылечу вашу дочь.

Услышала его голос Нагыр–Чечек, заплакала от радости. Велела подойти ему к ней. Взяла его руку, держит в своей и не отпускает. Так и сидит Анчы–Кара возле царевны, глаз с нее не сводит. А лысый лама хану на ухо что–то нашептывает. Хмурится хан, на молодого охотника косится.

– Посмотрим, как ты будешь лечить мою дочь. Если обманешь – вечером отрублю твои руки вместе с рукавами, сниму голову вместе с шапкой,– пригрозил Дарынза–хан.

– Прикажи, хан, затушить костер,– попросил Анчы–Кара.– Дым ест глаза больной.

Затушили костер. Все ждут, когда Анчы–Кара лечить царевну начнет. Прошел час, другой, а он все сидит недвижим. День уже к вечеру клонится. Забеспокоился Анчы–Кара – а вдруг запоздают лебеди иль цветков не найдут? Прислушивается: не раздастся ли шум лебединых крыльев? А царевне все хуже. Стонет от боли.

– Почему же ты не лечишь мою дочь, негодный?– закричал Дарынза–хан так, что вся юрта задрожала.

– Я жду, хан. Еще солнце не зашло. Дай срок.

– Как только скроется солнце, прикажу казнить тебя,– пригрозил хан.

– Будешь знать, как над божьим слугой насмехаться,– проворчал лысый лама, потирая от радости руки.

«Где же лебеди? Неужели ослепнет царевна? Неужели моя смерть пришла? А ведь солнце желанно и жизнь дороже золота...» – думал в тревоге Анчы–Кара.

Поднялся хан, распахнул дверь. Видит, что солнце уже прикоснулось золотым обручем к вершине Бол–чайтылыг, красными лучами землю напоследок озаряет. Хотел было хан уже дать знак слугам своим – схватить и казнить Анча–Кара, да вдруг раздался шум крыльев. Над юртой пронеслись большие птицы.

Один только Анчы–Кара заметил, как через дымоход в юрту упали два синих цветка. И пока все столпились у двери, смотря вслед птицам, он успел брызнуть в глаза Нагыр–Чечек соком синих цветов.

Царевна подняла голову и прозрела. Увидела она перед собой доброго молодца, стройного, как пихта, с черными, как спелая черемуха, глазами.

– Вижу, вижу!– вскричала Нагыр–Чечек и от радости заплакала. Вскоре она заснула спокойным сном.

– Вылечил я твою дочь, хан,– обратился Анчы–Кара к Дарынза–хану.– Хочу знать теперь: верное ли слово ханское? То, что я должен взять,– возьму. То, что вы должны дать,– дайте.

Смутился хан. Не хочется ему выдавать дочь за простого человека. А лысый лама опять ему что–то на ухо нашептывает.

– Слово мое верное,– говорит хан.– Но ты оскорбил мудрого ламу -- служителя бога. Посажу я тебя в тамы. Замаливай там свои грехи. Если выберешься оттуда, тогда приходи говорить со мной о женитьбе.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Бросили Анчы–Кара в глубокую тамы, привалили ее сверху каменной глыбой. Сидит Анчы–Кара ночь, сидит день – горюет, ламу лысого проклинает. Вдруг слышит: в углу мыши пищат.

– Если бы этот узник понимал наш язык, то мы бы спасли его. Вырыли бы подземный ход. Нас ведь в этом аале тысячи,– говорит черная мышь.

– А как же узнать, понимает он по–мышинному или нет?– спросила серая мышь.

– А вот как. Если он понимает нас, то пусть хлопнет три раза в ладоши.

Анчы–Кара поспешил хлопнуть три раза в ладоши, да от радости так громко, что мыши вмиг скрылись в своих норках. «Что я наделал?– корит себя парень.– Спугнул мышек. Потухнет теперь мой доселе не угасавший очаг!»

Но не прошло и часа, как яма наполнилась мыши–ным писком. Видимо–невидимо мышей собралось, и все они принялись подземный лаз рыть.

Прошел еще день, прошла еще ночь. Утром пропищала черная мышка: «Выходи, человек, понимающий наш язык, на свободу». Вильнула хвостиком и скрылась.

Выбрался Анчы–Кара на свет белый, отряхнулся и пошел к ханской юрте. А там в это время Нагыр–Че–чек отца допрашивает, правды допытывается:

– Где тот добрый молодец, что меня спас? Я хочу его видеть.

– Дал я ему скота из своего скота, дал добра из своего добра, и он ушел в свой аал довольный. Про тебя даже не вспомнил,– отвечает ей хан.

– Анчы–Кара плохой человек, не нужно о нем даже и думать, прекрасная Нагыр–Чечек!– вторит хану лысый лама.

– Неправда!– вскричала царица.– Анчы–Кара хороший человек. Я по глазам это видела. И я пойду следом за ним, куда бы ни лежал его путь!

Тут распахнулась дверь и в юрту вошел Анчы–Кара. Черный он был от земли, но узнала его Нагыр–Чечек и от радости заплакала.

Говорит ей тогда Анчы–Кара:

– Не давал мне твой отец ни скота, ни добра. Посадил он меня в глубокую тамы и камнем тяжелым вход завалил. Нарушил он свое слово – отдать мне тебя в жены. А лысый лама – злой советчик. Не верь ему, Вот он и сейчас ему что–то нашептывает.

– Какие бы козни они ни придумывали, я буду твоей женой, Анчы–Кара,– сказала царица.– Ты слышишь, отец, что говорит твоя единственная дочь – Нагыр–Чечек?

– Слышу, слышу,– отвечает ей хан.– Но пусть сначала твой жених подвиг совершит. На юге, за белой тайгой, в скале возле черной речки объявился шулбус. Если его не уничтожить – в мире разразится большая война.

Простился Анчы–Кара с царицей, излучающей свет луны и солнца, и отправился на гору Болчайты–лыг. Сел на камень и горькую думу думает: как же ему, пешему, добраться до скалы, где шулбус живет,, как же ему, только лук имеющему, победить такое чудовище?

Вдруг из поднебесья опустились два лебедя и спра–шивают Анчы–Кара, чем он удручен. Рассказал им охотник про ханские козни, и лебеди стали его утешать:

– Не горюй, Анчы–Кара. За то, что ты спас от слепоты нашу любимицу – Нагыр–Чечек, мы поможем тебе. На северном склоне Арзайты–горы пасется табун пестрых жеребцов. Среди них зааркань белолобого черного жеребца. Садись на него и разыщи за желтой тайгой ущелье, где живет девяностосаженная змея. Прикажи ей приползти в логово шулбуса и обвиться вокруг его туловища. И только потом спусти стрелу в его единственный глаз.

Поблагодарил охотник лебедей и отправился на северный склон Арзайты–горы. Увидел там среди та–буна пестрых коней белолобого черного жеребца, вскочил на него и вихрем помчался по желтой тайге. В ущелье разыскал Анчы–Кара девяностосаженную змею. Свернувшись в клубок, она грелась на солнцепеке. Приказал ей Анчы–Кара ползти к шулбусу и об вить его туловище, а сам поскакал через белую тайгу. Затаился у логова шулбуса возле черной речки и ждет, когда подползет змея.

Три дня и три ночи ждал Анчы–Кара. Наконец, когда взошло солнце и камни стали золотисто–пестрыми, подползла змея. Обвила спящего шулбуса кольцом, как железными обручами охватила, и тот не мог ни рукой шевельнуть, ни ногой ступить. Вошел тогда Анчы–Кара в пещеру, прицелился из лука в огненный глаз шулбуса и спустил стрелу. Раздался тут сильный гром. Еле успел охотник наружу выскочить, как скала рухнула и завалила пещеру.

Услышал Дарынза–хан громовые раскаты и догадался, что это Анчы–Кара справился с шулбусом. Испугался хан, прогнал лысого ламу из своего аала и стал готовиться к свадьбе своей дочери.

Когда прискакал Анчы–Кара на белолобом черном жеребце в ханский аал, то увидел рядом с ханской юртой другую, белую да большую–пребольшую юрту. Вошел в нее и видит: Нагыр–Чечек восседает на ковре и улыбается, а рядом огромные расписные сундуки с разным добром красуются.

– Вот наша юрта,– сказала Нагыр–Чечек. – Ты рад, Анчы–Кара?

– Очень рад. Но я хочу вернуться в родные края, на берега родного Кара–Хема. Ты пойдешь со мной?

– Пойду,– не раздумывая, ответила Нагыр–Чечек, Откочевали Анчы–Кара и Нагыр–Чечек к Кара–Хему и зажили там мирной жизнью.

1 Лама – монах–священник у ламаистов, приверженцев разновидности буддизма.

2 Судур – молитвенник, священная книга.

3 А а л – селение у кочевников, состоящее из нескольких юрт.

4 Кургулда й–овечья кишка, начиненная жиром и мясом.

6 Архар – парнокопытное животное из рода баранов.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

7 Кара-Хая – Черная Скала.

8 О л б у к – войлочный коврик.

9 Тамы – специально отрытая яма для заключения провинившихся перед ханом.

10 Шулбус – злой дух, чудовище.

11 Манул – дикий кот.